

ВИКТОР САМУИЛОВИЧ ХРАКОВСКИЙ (Ленинград)

СООТНОШЕНИЕ МОДАЛЬНЫХ И ВРЕМЕННЫХ КОМПОНЕНТОВ ВЫСКАЗЫВАНИЯ*)

Принято считать, что модальные и временные значения являются обязательными компонентами высказываний, которыми в процессе речевого общения обмениваются оба его участника, попеременно выполняющие две функционально противопоставленные роли: роль говорящего и роль слушающего. Ведущим средством выражения названных значений во многих языках выступают глагольные категории наклонения и времени, которые таким образом можно называть дейктическими категориями (Kuryłowicz 1974). Эти категории, в тех языках, в которых они выделяются, обычно рассматриваются как самостоятельные, логически равноположенные и вместе с тем тесно взаимосвязанные. Такая трактовка категорий наклонения и времени делает правомерным исследование проблемы, насколько говорящий свободен в выборе и комбинировании частных модальных и временных значений при порождении высказывания. Результаты этого исследования и составляют основное содержание предлагаемого доклада.

Главный вывод заключается в следующем. Говорящий лишен свободы комбинирования частных модальных и временных значений, поскольку наклонение и время, по крайней мере для обследованных языков, являются субкатегориями единой грамматической категории. Из сказанного следует, что основным предметом нашего обсуждения являются также категориальные теоретические понятия как наклонение и время, в терминах которых описываются эмпирические данные и тем самым воссоздается реальный объект. „Известно, что к анализу исходных понятий, особенно таких, которые считаются „сами собой разумеющимися“, ученые приходят на сравнительно позднем этапе своих исследований — пользуясь какой-либо привычной схемой, мы обычно не думаем о возможности ее превращения в объект теоретического знания“ (Роговин 1974, 188). Чтобы это случилось, нужен определенный толчок. В данном случае таким толчком явилось применение метода порядкового членения слова для моделирования структуры словоформ финитного глагола в агглютинативных языках.

В соответствии с существующими теоретическими представлениями

*) Настоящий доклад представляет собой сокращенный и переработанный вариант статьи „Об основаниях выделения грамматических категорий (время и наклонение)“, которая написана совместно с А. П. Володиным и опубликована в сборнике „Проблемы лингвистической типологии и структуры языка“. Л., 1977.

в словоформах агглютинативных языков имеет место одно-однозначное соответствие между предельными единицами плана содержания (граммемами) и предельными единицами плана выражения (морфами). Единицы плана содержания образуют смысловую структуру словоформы, которая представляет собой конъюнкцию граммем, в число которых входит лексема. Каждая граммема словоформы, кроме лексемы, выступает представителем определенного парадигматического ряда, а каждый ряд реализует какую-либо конкретную грамматическую категорию (залог, время, лицо и т. д.). Различные классы слов характеризуются специфическими совокупностями парадигматических рядов. Так например, категории лица, числа, времени и наклонения образуют тот категориальный минимум, который свойственен словоформе финитного глагола в отличие от словоформ других частей речи. Смысловая структура словоформы в агглютинативных языках представляет собой единство, не разложимое на более мелкие, самостоятельно функционирующие единицы (лексема не выступает без граммем, граммема лица без граммемы наклонения и т. п.). В смысловой структуре слова лексема и граммемы выполняют различные функции: лексема обеспечивает единство слова, а граммемы характеризуют класс слов и его синтаксические связи с другими словами.

Единицы плана выражения образуют формальную структуру словоформы, которая представляет собой линейно упорядоченную цепочку морф. Каждая морфа в цепочке занимает определенный порядок, т. е. позицию относительно точки отсчета (например, границы словоформы или корневой морфы). Число морф, входящих в один порядок ≥ 2 , но в конкретной цепочке может быть представлена только одна морфа данного порядка. Таким образом, формальную структуру словоформы можно моделировать как цепочку порядков.

Учитывая изложенные соображения, рассмотрим минимальную структурную модель словоформы финитного глагола татарского языка.

Порядок корня	Порядок времени/ наклонения	Порядок лица/ числа	
бар	а	м	наст. время
бар	ды	м	прош. категорич.
бар	гап	мын	прош. результат.
бар	ачак	мын	будущ. категорич.
бар	ыр	мын	будущ. нерешительн.
бар	са	м	условн. наклонение
			„я иду“
			„я шел“
			„я ходил“
			„я пойду“
			„я, наверное, пойду“
			„если я пойду“

При анализе этой таблицы прежде всего следует обратить внимание на то, что в структуре словоформы отсутствует ожидаемое одно-однозначное соответствие между морфами и граммемами: морф—три, а граммема—пять. Происходит это потому, что морфы времени и наклонения (а также лица и числа) входят в парадигму одного порядка, и тем самым какая-либо морфа времени и морфа наклонения не могут быть одновременно представ-

лены в одной глагольной словоформе. Указанное обстоятельство уже было отмечено в литературе (Ревзин, Юлдашева 1969, Ревзин, Пинес 1969, Пинес 1973), по пока еще не служило предметом теоретического анализа.

Итак морфы времени входят в состав одних словоформ, а морфы наклоения — в состав других. Следовательно, категории времени и наклоения являются не конъюнктивными, а дизъюнктивными, что оказывается несколько неожиданным. Обычно считают, что значение грамматической категории представляет собой общий абстрактный родовой признак, реализуемый в серии конкретных граммем. В силу логической однородности граммемы дизъюнктивны, и поэтому в любой словоформе одна и та же категория может быть представлена только одной морфой, выражающей определенную граммему (Зализняк 1967). По этой причине практически не встречаются словоформы, в состав которых одновременно бы входили морфы, выражающие, например, граммемы I и III лица, прошедшего и будущего времени и т. п.

В нашем случае имеет место иное явление: дизъюнктивны не граммемы одной категории, что естественно, а родовые значения двух различных категорий времени и наклоения. Кроме того, вхождение морф времени и наклоения в один порядок колеблет тезис о моносемантичности порядков в агглютинативных языках. Этот тезис гласит: „Распределение аффиксов по порядкум обладает тем важным свойством, что одно и то же значение выражается аффиксами, находящимися в одном порядке. Это позволяет поставить в соответствие определенному порядку определенное значение“ (Пинес 1973, 224). Итак, эмпирические данные вступили в противоречие с существующими теоретическими положениями. Для преодоления возникшей коллизии существует, по-видимому, два пути. Первый путь — изменить теорию, второй путь — дать такое истолкование эмпирическим данным, которое бы соответствовало существующей теории.

Если пойти по первому пути, то в соответствии с наблюдаемыми эмпирическими данными следует отказаться, во-первых, от постулата теории грамматических категорий, согласно которому каждая словоформа должна выражать все грамматические категории, присущие слову как представителю определенной части речи, и, во-вторых, от тезиса о моносемантичности порядка в агглютинативных языках. Этот путь не кажется нам перспективным.

Если пойти по второму пути, то, очевидно, существует две возможности изменить толкование наблюдаемых эмпирических данных. Прежде всего можно предположить, что моделирование морфологической структуры глагола проведено не вполне корректно, ибо в соответствии с тезисом о моносемантичности порядков морфы категорий времени и наклоения должны занимать различные порядки. Можно пойти дальше и, опираясь на существующую практику, предположить, что морфы изъявительного наклоения являются нулевыми. Если принять предложенные изменения, то структурная модель глагольной словоформы татарского языка примет следующий вид:

Порядок коряя	Порядок наклонения	Порядок времени	Порядок лица—числа
бар	∅	а	м
бар	∅	ды	м
бар	∅	ган	мын
бар	∅	ачак	мын
бар	∅	ыр	мын
бар	са	—	м

При таком способе описания морфы категории наклонения представлены во всех словоформах, но морфы времени есть только в тех словоформах, где представлена нулевая морфа изъявительного наклонения. Следовательно, и при данной трактовке не выполняется постулат о том, что каждая словоформа должна выражать все грамматические категории, присущие этому слову.

Другая возможность заключается в истолковании категорий времени и наклонения как единой грамматической категории. Если эту возможность удастся реализовать, то, во-первых, не придется менять теорию, а, во-вторых, получат естественные объяснения традиционные, основанные на интуиции предположения о „семантической близости“ и „тесной связанности“ категорий времени и наклонения. Осуществление этой возможности сводится к построению такого определения общего значения категории времени-наклонения, чтобы все реально засвидетельствованные в каком-либо языке граммеы категорий времени и наклонения могли бы трактоваться как логически однородные, видовые значения этой категории.

Итак, задача сформулирована, и можно приступать к ее решению. С нашей точки зрения, эта единая категория, которую следует называть категорией наклонения, должна быть определена следующим образом: „Наклонение выражает точку зрения говорящего на реальность/нереальность сообщаемого факта относительно факта сообщения“. Нетрудно заметить, что в рамках этого определения на долю „категории“ времени приходится область реальности сообщаемого факта. Время есть способ существования реальности, и конкретная реальность проявляется в определенной временной отнесенности. Предшествование, сопутствие и следование сообщаемого факта факту сообщения представляют собой конкретные частные формы проявления реальности. Таким образом, в предложенной трактовке формы времени и есть формы изъявительного (реального) наклонения. Следовательно, никаких специализированных морф изъявительного наклонения (в том числе и нулевых), отличных от морф времени, не может быть в принципе. Данный вывод вполне соответствует существующей практике описания категорий времени и наклонения. Специализированные морфы изъявительного наклонения, отличные от морф других наклонений, очевидно, могут быть зафиксированы в том случае, если глагол имеет категорию наклонения, но при этом не имеет временных форм.

Резюмируем. Нет двух равноположенных категорий времени и наклонения, а есть одна категория наклонения, в рамках которой временная отнесенность выступает как способ существования реальности. Такова наша концепция, при формулировании которой мы учитывали идеи и тер-

мины известной работы Р. Якобсона „Шифтеры, глагольные категории и русский глагол“ (Jakobson, 1957).

Хотя вывод о наличии единой категории времени и наклонения относится только к анализированным агглютинативным языкам, где с их помощью аргументируется постулат о моносемантичности порядков, хотелось бы думать, что они имеют общелингвистическую значимость. Существует ряд соображений, которые говорят о возможности такого заключения.

Прежде всего следует указать, что развиваемая концепция не является абсолютно новой для лингвистики. Речь идет о более четкой и последовательной экспликации тезиса о тесной внутренней связи категорий времени и наклонения, выдвигавшегося в работах Э. Паулини, Н. С. Поспелова, Г. Горака, Д. А. Штелинга и других лингвистов, которые опирались на материал неагглютинативных языков.

Далее, следует отметить, что у лингвистов отсутствуют четкие критерии для проведения демаркационной линии между формами времен и наклонений. Например, будущее время обычно относят к категории времени, однако, по мнению Е. Куриловича, такое решение ошибочно, ибо „по сравнению с настоящим и прошедшим, выражающим действительность, будущее, обозначающее возможность, вероятность, ожидание и т. п., представляет собой наклонение. В качестве такового оно противопоставляется настоящему и прошедшему, взятым вместе. Будущее — это наклонение, обозначаемое неуклюжим термином субъюнктив или конъюнктив“ (Курилович 1962, 143). Продолжая линию, намеченную Куриловичем, по-видимому, было бы правомерно утверждать, что и прошедшее время, обозначающее действие, практически переставшее быть реальным, также представляет собой наклонение. Однако проблема демаркационной линии снимается сама собой, если в соответствии с предложенным подходом формы времени и наклонения рассматривать в рамках единой категории наклонения.

Наконец, нужно отметить, что по данным сравнительно-исторического языкознания противопоставление временных форм изъявительного наклонения формам косвенных наклонений не является исконным или первичным и что формы косвенных наклонений возникли на базе форм изъявительного наклонения. Согласно Б. А. Серебренникову, обобщившему данные языков различных семей, конъюнктив и оптатив, возникшие на базе прошедших времен изъявительного наклонения, в свою очередь послужили базой для образования форм будущего времени (Серебренников 1974). Придерживаясь традиционного разграничения категорий времени и наклонения, по-видимому, труднее истолковать генетическую цепочку: формы прош. времени → формы косвенных наклонений → формы будущего времени — сравнительно с трактовкой форм времени и наклонения в рамках единой грамматической категории.

Учитывая приведенные соображения, можно думать, что вывод о наличии единой категории времени-наклонения носит общелингвистический характер, хотя он безусловно нуждается в самой тщательной проверке на материале различных неагглютинативных языков. Что касается, в частности, славянского материала, то на основании самых предварительных соображений представляется, что он укладывается в рамки развиваемой концепции. С интересующей нас точки зрения, очевидно, выделяется два

типа славянских языков. В языках первого типа, в число которых, например, входит русский язык, в соответствии с существующими описаниями изъявительное наклонение имеет парадигму временных форм прошедшего, настоящего и будущего времени (*читал, читает, будет читать*), а сослагательное наклонение (*читал бы*) их не имеет. Эта ситуация напоминает ту, которая характерна для татарского глагола. Правда, формально глагол в составе аналитической формы сослагательного наклонения выступает в форме прошедшего времени, но частица *бы* „выключает“ значение прошедшего времени (*Я бы почитал что-нибудь*).

Особая точка зрения по этому вопросу принадлежит Н. Ю. Шведовой (Шведова 1967). Развивая свою концепцию синтаксических категорий предложения, она полагает, что значение „временной неопределенности“, которое не является „временным нулем“, присуще синтаксическим ирреальным наклонениям, основным компонентом которых является глагольная форма сослагательного наклонения (*Ученик писал бы, если бы ученик писал!*). Такой вывод логичен в концепции Н. Ю. Шведовой, в которой время и модальность составляют обязательные компоненты категории предикативности, лежащей в основе предложения. Ведь если признать, что синтаксические ирреальные наклонения не имеют значения „временной неопределенности“, то тогда исчезает один из двух обязательных компонентов категории предикативности. Вместе с тем приходится отметить, что значение „временной неопределенности“ фактически не истолковано и к тому же не названы средства его обозначения в плане выражения. Таким образом, пока нет достаточных оснований, чтобы согласиться с этой точкой зрения.

В языках второго типа, в число которых, например, входит чешский язык, в соответствии с существующими описаниями изъявительное наклонение имеет „полную“ парадигму форм прошедшего, настоящего и будущего времени (*nesl, byl nesl, nese, bude něst*), а сослагательное (условное) наклонение имеет две „временные“ формы: форму настоящего времени (*nesl by*) и форму прошедшего времени (*byl by [býval] nesl*). Отличаются эти формы друг от друга не временными значениями, как этого можно было бы ожидать, а модальными. Первая форма обозначает потенциально выполнимое действие (*Kdybys přišel ke mně [zítra], pracovali bychom spolu*), а вторая форма обозначает невыполнимое действие (*Kdybys byl přišel ke mně [včera], byli bychom pracovali spolu*). Можно думать, что во всех тех случаях, когда косвенные наклонения имеют парадигму временных форм, эти формы используются главным образом для обозначения различных модальных значений.

ЛИТЕРАТУРА

- Зализняк А. А., *Русское именное словоизменение*. М., 1967.
Курилович Е., *Очерки по лингвистике*. М., 1962.
Пинес В. Я., *Исчисление личных глагольных словоформ турецкого языка*. „Проблемы грамматического моделирования“. М., 1973.
Ревзин И. И., Пинес В. Я., *Описание морфологической структуры азербайджанского глагола с помощью грамматики порядков*. „Статистическое и информационное изучение тюркских языков. Тезисы“. Алма-Ата, 1969.

- Ревзин И. И., Юлдашева Г. Д., *Грамматика порядков и ее использование*, ВЯ, № I, 1969.
- Роговин М. С., *Развитие структурно-уровневого подхода в психологии*. „Системные исследования. Ежегодник“. М., 1974.
- Серебренников Б. А., *Вероятностные обоснования в компаративистике*. М., 1974.
- Шведова Н. Ю., *Парадигматика простого предложения в современном русском языке (опыт типологии)*. „Русский язык. Грамматические исследования“. М., 1967.
- Jakobson R., *Shifters, verbal categories and the Russian verb*. Harvard University, 1957.
- Kuryłowicz J., *Universaux linguistiques*. „Proceedings of the eleventh international congress of linguists“. Bologna, 1974.

